

усыпный труд и на прежидком море строит города, и на превысокие горы взводит реки, и в преглубоких безднах находит перла. Знаю, что трудно будет начало; но своя есть честь и начатую. Ведаю, что скучно будет продолжение; но и с тем громкая сопряжена слава. А из полезного окончания коликая похвала, коликие благодарения и, коликие прославления произойти могут, чувствует, кто сего уразуметь не может? Одно б разве сие токмо отвратить от предприятия нас могло, что не надеемся ин быть щасливы в окончании и что другим сей преславный жребий готовится, а не нам... На что нам завидовать щастью и славе других в окончании, когда довольно оного и оныя с нас в начатии и продолжении... не начиная же ничего, ничего и не будет».²⁹

Общую задачу — возможное дополнение языка, достижение его чистоты, красоты и совершенства — Третьяковский расчленил на ряд параллельных частных задач, каждая из которых была осуществлена много позже и уже не им и не «Российским собранием», просуществовавшим всего несколько лет, а Ломоносовым: Грамматика (1755), Риторика (1748). Что же касается словаря («Лексикона»), то он был выпущен Российской академией только в 1796 году.

Практически наиболее подготовлена оказалась реформа стиха или то, что Третьяковский называл «стихотворной наукой».

Третьяковский решился на реформу стиха потому, что в его представлении создание новой, единой общенациональной литературы требовало и соответствующей формы, связанной с коренными традициями национальной культуры. Так же, как и в предисловии к «Езде в остров любви», он демонстративно отказывался от «славянского языка» потому, что он «у нас есть язык церковный», так и силлабическая система стиха, привнесенная в русскую поэзию украинскими церковниками, была для него поэзией духовенства и церковно-школьного обихода. А ведь хорошо известно, с какой непримиримостью Третьяковский относился к церковникам в начале 1730-х годов, т. е. в период разработки и осуществления своих реформаторских планов. По поводу читательских откликов на «Езду в остров любви» он писал: «... другие, которые обвиняют меня, как некогда обвиняли Овидия за его прекрасную книгу, где он рассуждает об искусстве любить, говорят, что я первый развратитель русской молодежи, тем более, что до меня она совершенно не знала прелести и сладкой тирании, которую причиняет любовь. Что вы, сударь, думаете о ссоре, которую затевают со мной эти ханжи? Но оставим этим Тартюфам их суеверное бешенство; они не принадлежат к числу тех, кто может мне вредить. Ведь это сволочь, которую в просторечии называют попами».³⁰

²⁹ Там же, стр. 330.

³⁰ Там же, стр. 477.